

КАРА ДЕЛЕВИНЬ

КАРА ДЕЛЕВИНЬ

*Зеркало,
зеркало*

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д29

CARA DELEVINGNE
MIRROR, MIRROR

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств
William Morris Endeavor Entertainment, LLC
и *Andrew Nurnberg*

Перевод с английского *Светланы Арестовой*
Художественное оформление *Екатерины Фerez*
Изображения использованы по лицензии Shutterstock

Делевинь, Кара.

Д29 Зеркало, зеркало: [роман] / Кара Делевинь; пер.
с англ. С. Арестовой — Москва: Издательство АСТ,
2018. — 384 с.

ISBN 978-5-17-107602-3

Им по шестнадцать, жизнь их не балует, будущее туманно, и, кажется, весь мир против них. Они аутсайдеры, но их связывает дружба. И, конечно же, музыка. Ред, Лео, Роуз и Наоми играют в школьной рок-группе: увлеченно репетируют, выступают на сцене, мечтают о славе... Но когда Наоми находят в водах Темзы без сознания, мир переворачивается. Никто не знает, что произошло с ней. Никто не знает, что произойдет с ними.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-107602-3

Copyright © Cara and Co Limited 2017
© С. Арестова, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

От автора

Переход из детства во взрослую жизнь — процесс крайне увлекательный. Хаос, безумие, гормоны, постоянные перемены, метания из крайности в крайность — вот что такое переходный возраст. Этот важный период, полный страстей и переживаний, формирует из нас тех взрослых, которыми нам суждено стать.

Многие скажут, что подростковые годы были лучшей порой в их жизни. Это и вправду очень безмятежное время, время радости и приключений. Но порой оно может казаться настоящей пыткой, особенно если ты не из тех, кто легко вписывается в компанию.

Социальные медиа прочно вошли в нашу жизнь, и быть подростком стало еще труднее, чем раньше, в особенности потому, что современным тинейджерам навязывают недостижимые идеалы. Нас всех постоянно судят, даже не пытаясь разобраться, кто мы такие и что происходит у нас в жизни.

В «Зеркале, зеркале» я хотела как можно реалистичнее изобразить бурную, лихорадочную, полную

виражей жизнь подростка и создать персонажей, с которыми каждый почувствует родство. Я хотела написать книгу о силе дружбы и озвучить в ней одну простую истину: окружая себя людьми, которых мы любим и которым доверяем, мы становимся сильнее.

А главное, я хотела показать читателю, что нет ничего страшного в том, чтобы не понимать, кто ты такой. Нет ничего страшного в том, чтобы отличаться от сверстников, ведь, каким бы ты ни был, ты и так безупречен. Главное — понять, что в этой жизни приносит тебе счастье, и слушаться своего сердца. Тогда все будет путем. Что бы ни случилось, оставайся самим собой. Найди свои сильные стороны и осознай, что тебе по плечу изменить мир.

С любовью,
Кара

Посвящается моим родным и друзьям, которые
помогли мне пережить подростковый период.
А еще каждому, кто чувствует себя потерянным.
Надеюсь, эта книга побудит тебя двигаться навстречу
своим мечтам и поможет никогда не терять надежды.
Нет ничего невозможного.

Два месяца назад...

Светало. Цепляясь друг за друга, еле волоча ноги от усталости, мы плелись домой. Воздух быстро нагревался, растапливая утреннюю прохладу. Как сейчас помню, Роуз положила голову мне на плечо, а рукой обнимала за талию. Мы шли не в ногу, то и дело сталкиваясь бедрами, а ее теплая, мягкая щека касалась моей шеи.

Было уже почти пять. В лучах летнего солнца, золотых и пронзительных, грязные улицы сверкали, как отдраенные. Мы уже не раз видели этот рассвет, когда возвращались домой после долгих ночных гулянок, наслаждаясь каждой проведенной вместе секундой.

Все было прекрасно, нам казалось, что жизнь принадлежит нам, а мы — ей, и каждое мгновение приносит что-то новое, что-то значимое. По крайней мере, так было вплоть до той ночи.

В ту ночь все изменилось.

Глаза болели, во рту пересохло, сердце продолжало бешено колотиться. Мы не хотели расходиться по домам, но что еще оставалось делать? Больше некуда было идти.

— Почему именно сейчас? — сказала Роуз. — У нее все отлично складывалось, лучше некуда. Так почему же именно сейчас?

— Ну, ей не впервой, — сказал Лео. — Поэтому копы и не почешутся. Она ведь уже такое проворачивала: брала деньги, рюкзак с едой, гитару и исчезала на пару недель. Это в ее стиле.

— Но «Зеркало, зеркало» все изменило, — возразила Роуз. — С тех пор, как мы начали общаться, все стало по-другому, разве я не права? Это раньше

она себя резала, сбегала из дома и страдала прочей херней, но вот появилась группа — и у нее все наланилось... как и у всех нас.

Она выжидающе на меня посмотрела. Конечно же, она была права: за последний год наша жизнь круто поменялась. До того, как мы сколотили группу, каждый из нас был по-своему потерян, но вместе мы стали сильными, непобедимыми и вообще просто офигенными. Нам казалось, что Наоми тоже счастлива, что ей больше не захочется убегать, — по крайней мере, так было до той ночи.

В ту ночь мы обошли весь город.

Мы проверили все места, где хоть раз бывали вместе с ней: и те, о которых знали наши родители, и те, о которых они даже не подозревали.

Мы заходили в душные ночные клубы, куда нас не должны были пускать, и продирались через толпы танцующих, от которых разило потом вперемежку с гормонами, всматриваясь в каждое мелькавшее мимо лицо.

Мы шмыгали по задворкам пабов, где можно раздобыть наркоты, и переговаривались вполголоса с дергаными подростками, чьи глаза давно превратились в тени. Они предлагали курнуть, но в ту ночь мы говорили им «нет».

Мы спускались в подвальные помещения, скрывавшиеся за безликими дверьми, куда пускают только «своих». Там все окутано дымом, потому что народ курит прямо внутри, а музыка долбит так сильно, что болят уши, вибрирует грудная клетка и сотрясается пол.

Мы проверили все эти места и множество других. Парк в местном микрорайоне муниципальной за-

стройки, где мы тусуемся, когда нечего больше делать; набережную, на которую выходят окнами квартиры миллионеров; Воксхолльский мост, наш мост — мы так часто ходили по нему, перекрикивая шум машин, что он стал для нас родным, чем-то вроде друга и свидетеля.

Напоследок мы заглянули в пустую букмекерскую контору со сломанной дверью и матрасом на полу. Туда ходят ребята, которым хочется побыть в одиночестве, но я не из их числа, потому что одиночество не переношу.

Час за часом ночь истекала, но мы были уверены, что найдем ее, что она просто выкинула очередной трюк, потому что ей больно и хочется немного внимания. Мы не сомневались, что наша басистка и лучшая подруга Наоми окажется в таком месте, о котором знаем только мы, что она прячется там и ждет нашего прихода.

Ведь невозможно же просто взять и исчезнуть — бред какой-то! Никто не способен бесследно раствориться в воздухе. Так мы успокаивали себя в ту первую ночь и во все последующие, пока родители не настояли, чтобы мы прекратили поиски. Они сказали, что Наоми сама вернется, когда будет готова. А затем и полиция перестала ее искать, ведь она часто убегала из дома.

Между тем нам казалось, что на этот раз все по-другому, потому что сама она стала другой, но копы с их скучающими физиономиями и пустыми блокнотами даже слушать нас не стали. Да что они вообще могут знать?

Мы еще долго искали ее после того, как остальные опустили руки.

Мы искали повсюду, но ее нигде не было.

И куда бы мы ни заглядывали, всюду нас ждала пустота.

1

Сегодня: жизнь продолжается, все так говорят.

Каждый день нужно вставать с постели, тащиться в школу, приходить домой, думать о долбанных экзаменах, которые уже, блин, не за горами; нужно «надеяться, молиться и верить» — вдалбливают нам в головы.

Жизнь продолжается, говорят нам, вот только ни фи́га она не продолжается, потому что, когда Наоми исчезла, кто-то поставил на паузу весь мир. Проходят дни, недели, месяцы, но на самом-то деле ничего не меняется. Создается ощущение, будто все мы набрали воздуха в легкие и на два месяца задержали дыхание.

Нам уже давно перестали говорить, что она вернется, когда будет готова. Ее старшая сестра Ашира ходит по школе с опущенной головой, закрывшись от всех на свете, а недавно в супермаркете мы видели ее родителей, которые бесцельно бродили по рядам и невидящими глазами смотрели на полки с продуктами. Пропала Най, а потерянными выглядят они.

Надо признать, раньше ей и правда ничего не стоило сбежать из дома ради того, чтоб ее все искали; раньше она без мелодрамы не могла. Но Наоми уже давно не откалывала ничего подобного, а кроме того, ни разу не пропадала так надолго. Ее родители места себе не находят от беспокойства, а Эш выглядит так, будто ждет, что на нее в любой момент обрушатся трагические новости, — Най бы им такого не пожелала. У нее всегда хватало проблем, но она очень любит родителей и сестру, а они очень любят ее. Их дом был для нас маяком; изголодавшись по любви, мы слетались туда, как мотыльки на пламя, потому что обитателям этого дома было друг на друга не наплевать.

Теперь понимаете? Наоми ни за что бы так не поступила, но никто этого не признаёт: ни полиция, ни даже ее мама, потому что легче думать, что дочь у тебя бессердечная стерва, чем считать ее пропавшей без вести.

Поэтому иногда мне хочется, чтобы нашелся труп.

Вот такая я сволочь. Иногда мне просто хочется, чтобы она умерла, — тогда я хотя бы буду знать, что с ней.

Но никакого трупа не нашли: она исчезла бесследно, и жизнь продолжается.

А это значит, что сегодня нам нужно провести прослушивание на место басиста.

В какой-то момент казалось, что без Наоми «Зеркало, зеркало» распадется. Когда мы с Роуз и Лео впервые пришли на репетицию после ее исчезновения, то всерьез задумались, не лучше ли нам все бросить, и даже вроде как сошлись на этом, но, вместо того чтобы разойтись по домам, так и остались стоять на месте. И тогда, не сговариваясь, мы поняли, что

должны продолжать, ведь без группы у нас в жизни не останется ничего хорошего. И вообще, отказаться от нее — это все равно что бросить Наоми.

Именно Наоми создала группу — по крайней мере, превратила из отстойного школьного проекта в нечто стоящее. Именно благодаря Най каждый из нас раскрыл свой талант, потому что сама она была невероятно талантлива. Она была великолепной басисткой, просто легендарной — услышали бы вы, как она играет, вас бы дрожь пробрала, — но лучше всего у нее получалось писать тексты. У меня тоже неплохо выходит, и вместе мы кому угодно дадим фору, но Най, она особенная, в ее стихах свинцовая серость начинает сверкать и искриться. Пока мы ей не сказали, она и не подозревала, что у нее настоящий дар, и чем больше мы ей об этом говорили, тем лучше у нее получалось писать. Так вот, когда у тебя такой дар, тебе не нужно никуда убегать.

В тот день, когда группа едва не распалась, в разгар нашего спора в репетиционный зал вошел учитель музыки мистер Смит. В школе кроме нас почти никого не было — в летние каникулы учеников туда не пускают, но мистер Смит выхлопотал для нас разрешение и взялся в свой отпуск дежурить на репетициях. Обычно, пока мы играли и ссорились, он сидел в сторонке с газетой в руках, но на этот раз, войдя в зал, он стал ждать, когда мы замолкнем и обратим на него внимание. Меня поразила произошедшая в нем перемена. Бывают люди, которые заполняют собой всю комнату, и мистер Смит как раз из таких. Тут дело не в том, что он высокий и подтянутый, а просто такой у него характер: он любит жизнь, любит общаться с нами, своими учениками, и это большая редкость.

Он умеет увлечь, привить интерес к учебе — есть в нем какая-то особенная энергия, которая не так-то часто встречается у взрослых людей. По ходу, мы ему и правда не по барабану.

Но в тот день он выглядел так, будто из него выкачали весь воздух, будто вся его энергия, весь задор куда-то подевались. Мне даже стало немного страшно, ведь он всегда был таким сильным, но в то же время уважения к нему у меня только прибавилось. Было видно, что он переживает за Най, и это очень много для меня значило, потому что, кроме нас и ее семьи, казалось, никому больше не было до нее дела.

Уж не знаю, что почувствовали остальные, но мне сразу захотелось как-нибудь помочь ему, потому что он всегда готов помочь нам.

— Вы что же, ребята, правда хотите разбежаться? — спросил он.

Мы переглянулись и на секунду будто перенеслись в то время, когда еще не подружались, когда каждый чувствовал себя одиноко и не в своей тарелке. Мне стало жутко от одной мысли о возвращении к старому порядку вещей.

— Без нее уже не то, — говорю.

— Понимаю, — сказал он, взъерошив свои светлые волосы. — Но послушайте меня: если вы сейчас разойдетесь, потом будете жалеть. Я очень горжусь вами и вашими успехами. Ради Наоми, ради себя самих не отказывайтесь вы от любимого занятия. От нас сейчас мало что зависит, это верно, но в наших силах сделать так, чтобы о ней не забывали, чтобы ее не прекращали искать. Я тут кое-что придумал: а не устроить ли нам прямо в школе благотворительный концерт? Вырученные деньги отдадим ее родителям,